

С. Лесной

Дорожные встречи

**Москва
«Книга по Требованию»**

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

.страница : строка : читать :

74	3	справиться
75	8 снизу	коп
75	7 снизу	коп
75	2 снизу	у чо
76	8 снизу	полутрагические, полукони- ческие
77	8	Несчастные «ветеринары»
78	12	беспризорное
79	15	ворота
79	16	ворота
79	8 снизу	кроме
79	1 снизу	кроме
80	12	музыка
80	12 снизу	обрадован музыки
80	4 снизу	На холмах
81	9	хоть <i>нужды</i>
81	12	<i>Нужда</i>
81	15	в <i>нужду</i>
81	6 снизу	Зевес
81	3 снизу	Признайся
81	2 снизу	Смотреть на мой
81	1 снизу	Право, нет!
82	11	звездный
82	11	вселенной
82	15	«Номогенез»
82	5 снизу	Ну, как вы
83	6 снизу	сокращениями, на
85	10 снизу	и творится
91	11	но звуки скрипичные
91	16	последовательность
93	2 снизу	граммофона
94	11 снизу	отметить
95	18	новый музыкальный инстру- мент
95	14 снизу	искусства

страница : строка : читать :

95	6 снизу	плюсами и минусами
96	13 снизу	предлагает
97	6 снизу	слово «вопросом» удалить
99	16 снизу	бегущие строчки
99	8 снизу	квартиры
100	14 снизу	услышанного
101	10 снизу	может быть
104	12 снизу	достаточной

Указанные погрешности произошли не по вине автора, отсутствовавшего во время печатания в Париже.

Tous droits réservés

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Я очень люблю дорожные встречи, особенно в поездах дальнего следования или на пароходах, совершающих продолжительные рейсы: почти каждая поездка приносила мне что-нибудь новое и интересное и оставляла в душе долгий след.

Да оно и не может быть иначе: всякий видел и слышал или пережил что-нибудь интересное или занимательное, а в обстановке долгой поездки языки рано или поздно развязываются и случайные спутники начинают не только вообще беседовать, но и рассказывают друг другу что-нибудь более полное и содержательное.

Один рассказывает свою жизнь или что заставляет его в данный момент оставлять позади себя сотни километров, другой — что случилось с ним в одну из таких поездок, третий, подогретый рассказами других, вытаскивает из копилки своих воспоминаний самое увлекательное, что он знает или то, что его особенно поразило. Почти каждый вносит свою лепту.

Но, что особенно приятно в этих рассказах, если собеседников двое и разговор происходит с глазу на глаз, — это полная откровенность. Нигде и никогда в другом месте мне не приходилось встречать такой полной и искренней откровенности, как во время длительных поездок.

Да оно и понятно: люди познакомились, разговорились, почувствовали друг к другу симпатию, доверие; делятся они мыслями и знают, уверены, что через два-три дня судьба их раз'единит и они никогда уже не встретятся.

Часто, пробыв в дороге вместе добрую неделю, они так и не знают точно фамилию друг друга. Ясно, что в этих условиях нет никаких оснований для скрытности.

Помню я, например, одну встречу с женщиной геологом. Попались нам в купе два верхних места. Лежали мы, опершись на локти и, глядя в тьму зимней ночи на мелькающий пейзаж, делились мыслями. О чем только мы не говорили? И о политике, и о детях, об их воспитании, об отношениях мужа и жены, о литературе и т. д. И все это с такой глубокой откровенностью и о таких даже вещах, о которых, кажется, и с женой не приходилось говорить. Знали мы, что в этих условиях можно открыться другому, ведь носить вечную печать молчания или недоговоренность нелегко, носить и не знать, есть ли у тебя единомышленники, волнуют ли и других вопросы, перед которыми ты стал втупик. Проговорили мы так до 3 часов ночи и расстались потом с глубоким сожалением, что не договорились.

А какие порой доводилось выслушивать исповеди, то простые, безискусственные, журчащие, как тихий ручеек, а то, наоборот, глубокие, потрясающие, исходящие из самых глубин чужой души... Как зачарованный смотрел я на эти бездны души и изумлялся жизни.

Сколько историй грустных, смешных, трагических, странных произошло перед моими очами. Как разнообразны были те люди, которых судьба делала моими спутниками. Многие из них живут так ярко в моей памяти, как будто я их видел вчера, многих давно уже покрывла паутина времени и я помню только их рассказы, а с некоторыми душа связалась навеки.

Так случилось мне как-то встретиться с молодой женщиной, матерью двух прелестных девчушек (она показала их фотографии). Живая, интересная, начитанная, с чудесными серыми глазами, необыкновенно женственная, она оказалась настоящим философом в юбке.

Все ее интересовало, начиная с высшей математики и кончая вопросами искусства и социологии. На все у нее был свой собственный, оригинальный взгляд. В вопросах философии она разбиралась совершенно свободно, так как окончила университет, специализировавшись в этой области.

Мы разговорились... и потонули. Несколько дней прошли в каком-то сплошном фейерверке мыслей и идей. То, что каждый из нас

берег для себя, было отдано на суд другого. Мы почти не спали, а упивались красотой и глубиной обсуждаемых нами идей, большинство которых относится к области «вечных загадок».

*...Так, долго жаждавший не знает пресыщения,
Он горстью воду пьет и черпает опять...*

Тайны материи, духа, вечность, Бог, причинность, красота, ее смысл, смысл жизни... все обсуждено нами.

И каждый, слушая другого, подстегивал его своими дополнениями, догадками и замечаниями. Я никогда не встречал женщину такой глубины и широты кругозора. Мы были опьянены тем, что нашли, наконец, желанного собеседника.

Прощаясь, я просил разрешения писать ей. Она подняла на меня большие, серые, чудесные, в тот момент чуть печальные, глаза, взяла мою руку обеими руками, пожала и сказала: «Нет, не надо... вы сами знаете почему»... и отвернулась, смущенная. Мне кажется, что я до сих пор могу, закрыв глаза, вспомнить этот взгляд и ощутить тепло ее рук.

Каждый спутник интересен по своему: один — занимательным предметом своего повествования, другой — своими оригинальными мыслями, третий — манерой рассказа, как человек сам по себе, как тип.

Здесь не только важно уже что он рассказывает, а как, — самой манерой говорить, жестами, мимикой, отступлениями, даже отдельными словечками он раскрывает себя полностью в своих сильных и слабых чертах.

Иной, глядишь, сер, невзрачен, а начал делиться своим сокровенным, — и видишь ты, что перед тобой человек большой души, недожженного ума. Один все время, как в скорлупе, другой весь на ладони. Едешь, глядишь, слушаешь его и читаешь, как в книге, внутренне подсмеиваясь над тем, что он и не замечает твоего к нему критического отношения.

Особенно часто это бывает с женщинами — болтает, болтает и выболтает всю себя без остатка, в таких случаях бываешь рад, что поездка скоро подходит к концу: одна и та же музыка быстро надоедает...

Небезинтересны бывают и споры, дискуссии, в которых принимает участие несколько человек. О чем только не спорят, чего только и как не обсуждают! И как порой ярко отражает каждый самого себя... Каких только чудаков и оригиналов не приходилось встречать при этом!..

В памяти моей осталось немало интересных встреч, некоторыми из них я и хочу поделиться. К сожалению, я в состоянии передать часто только фабулу рассказа, либо некоторые, особенно запомнившиеся мысли, обаяние же самого рассказчика, увы, непередаваемо...

Последние годы принесли мне много интересных встреч с людьми из далекой России, с них я и позволю себе начать.

«ПОМРЕЖ» ПЕТРОВ. *)

— Самое забавное в истории, которую я вам хочу рассказать, — это то, что она является действительным происшествием, причем некоторые действующие лица лично мне хорошо известны. Это мое замечание отнюдь не является риторическим приемом, чтобы, так сказать, заинтересовать вас. Нет, все это было также просто и реально, как я вижу вас, и это, по моему, придает особый интерес истории.

Конечно, некоторые детали может быть и не совсем точны: может быть, я неверно назову год, фамилию или что-нибудь в этом роде, но самая суть истории является самой подлинной действительностью.

Начну с того, что в Киеве, в Киноинституте, появился однажды студент, небольшого роста, смуглый, с темными волосами, с лицом, не представляющим ничего особенного. Просто обычный студент, комсомолец. Фамилия также простая, назовем его, по соображениям, которые вам станут ясными из дальнейшего, Петровым. На самом деле она была также чисторусская, также очень широко распространенная... Впрочем, это роли не играет.

Словом, ничего особенного в нем не было, учился он, сдавал зачеты, посещал аккуратно, когда надо, свои комсомольские и партийные собрания, делал, когда предлагали, доклады, имел порядочную нагрузку, как комсомолец, по общественной линии и т. д.

Прошло так несколько лет и он свой Киноинститут закончил.

Устроился он на работе тут же, в Киеве, на кинофабрике в группе Петра Александровича Езерского (фамилия не вымышленная). Петр Александрович или «Пэтэ», как называли его, все более или менее

*) «Помреж» — это «помощник» приращение в Советском Союзе.

близкие знакомые и приятели, был человеком знающим. Сначала был просто фотографом, потом перешел на амплуа кинооператора, а потом стал «крутить» мелкие фильмы уже и в качестве кинорежиссера.

Так вот, попал этот Петров в руки Петра Александровича и тот стал его дальше обтесывать по специальности. Петров был не глуп и не лентяй и, в результате, через некоторое время был замечен и переведен в Москву на роль «помрежа», т.-е. помощника режиссера.

Должность эта не блестящая и мечтал наш герой, конечно, о многом, но жизнь преподносила ему только работу, партийную нагрузку, да неприятности, то по специальности, то по партийной линии.

Жил он тихо, скромно, незаметно. Не заметили его знакомые, как он, наконец, женился. Жена — студентка кинотехникума, тоже комсомолка. Словом, типичная советская идиллия. И вот однажды в этот, уже установившийся, уклад жизни, вдруг ворвался вихрь. Предвестником его оказалось маленькое, но вполне официальное извещение японского посольства в Москве, приглашающее г. Петрова не отказывать в любезности посетить посольство тогда-то и в таком-то часу. Бумажка честь честью: печатный бланк, печать, подпись секретаря посольства и неуловимый дух чего-то насквозь чужого.

Можете себе представить ощущения нашего товарища Петрова? Что за чорт? Ну, что общего у него с японским посольством? Ведь тут легко втяпаться в такую историю, что и головы лишиться можно... Чорт знает, что такое...

Сидит это наш помреж и голову ломает, но показать бумажку другому боится (как бы чего не вышло — дело не просто.)

Прочитал он раз двадцать проклятую бумажку. Одно ясно: приглашают его, именно его, в японское посольство — указан точный адрес, номер дома, квартира и даже имя-отчество.

Посерел малый, молчит, задумался, ждет жену, а та, как нарочно, задержалась на заседании. Наконец, пришла. Сунул он ей бумажку в руки, — «что скажешь?» Прочитала она. — «Ничего, — говорит, не скажу... вероятно, какое-нибудь недоразумение?» — «А как думаешь, идти? Или, может быть, послать их к черту, пусть сами приходят, если уж им так надо до-зарезу?»

Сидят они, голову ломают, вертят и бумажку и конверт и так,